

Я стояла на пороге и смотрела во двор. Огромный двор был пуст. В дворце Шанъян из-за густых деревьев и риска пожара светильников ставили мало. Из комнаты было видно лишь тёмные очертания: днём яркие цветы и кусты теперь стали смутными, высокими и низкими тенями, которые колыхались на ночном ветру, шурша, словно кто-то крадётся. Но, взглядевшись, я понимала — вокруг никого, лишь деревья, двор да я.

Свет в комнате колебался, отбрасывая мою тень во двор — длинную-длинную. То она пересекала двор, сливаясь с тенями деревьев, то вновь выплывала, словно дразня меня ухмылкой. Она сейчас была куда счастливее меня. Я в этой дрянной шкуре кипела от ярости и тоски, а она по-прежнему беззаботно прыгала и качалась, наивная, как дитя.

Я возненавидела её за это счастье и подняла голову к небу. Там висела огромная круглая луна — так низко. И я поняла: сегодня уже шестнадцатое августа, вчера был Праздник середины осени. Сейчас это ещё не официальный большой праздник, днём просто любовались хризантемами и пили вино, без особых торжеств. Отец был нездоров, и ночью никто не смел шуметь. Одинокая луна в небе лишь подчёркивала пустоту.

Воздух в эту эпоху был удивительно чист. В лунном свете ясно виднелись очертания городской стены Лочжоу и дворцовой ограды. Самое высокое место — главные ворота лоянского дворца Цзывэй, Ворота Цзэтянь.

Мать любила Лоян, и большую часть детства я провела здесь. Родители часто брали меня с собой на башню Ворот Цзэтянь, а то я и сама с Ли Жуй тайком забиралась туда, чтобы посмотреть на уличную жизнь за стенами.

В прошлый Новый год отец с матерью подняли меня на башню смотреть фейерверки. Я тогда тихонько взяла руку Вэй Хуань и шепнула, что это мой день рождения, и попросила поздравить по обычаю моего прежнего мира. Но сейчас, может, от лунного света, тени зданий казались зловещими и чужими, словно чудовище, готовое проглотить Лоян, и наводили тоску.

Мне вдруг захотелось уйти. Сбежать из этого дворца, сбежать отсюда, сбежать из этой ненавистной эпохи.

Я думала, что уже вжилась в это время, но сейчас мне хотелось домой. К маме.

Но я не хотела о ней думать.

На рассвете я наконец вышла из оцепенения, переоделась и отправилась к матери — разузнать новости. У входа в чертог Сяньцзюй мне повстречался Ли Жуй. Судя по времени, он выехал из города, едва открылись ворота. Подняться так рано — значит, дело не терпит.

Я склонила голову в поклоне, назвав: «Наследный принц». Увидев меня, он сдержал тревогу и принял подобающий вид, кивнув: «Сыцзы». — Голосом и манерой он явно подражал прежнему наследному принцу.

Хотя мы были в загородном дворце, мать встала рано. Услышав о нашем приходе, она тотчас позвала нас обоих. Войдя, я увидела, что и отец уже сидит, шурясь на свет и разглядывая свиток. Увидев нас, он кивнул, стараясь выглядеть строгим, но уголки губ всё равно подрагивали: «Лю Лан, Эрнян, вы как раз вовремя. У нас с императрицей есть дело, о котором нужно с вами поговорить».

Сердце у меня запрыгало, и я невольно бросила взгляд на Ли Жуй. Он тоже смотрел на меня, словно колебался, но, видя, что мать подзывает меня к себе и расспрашивает о делах — вряд ли

скоро отпустит, — решился. Он опустился на колени и чётко произнёс: «Отец, мать, у сына есть вопрос».

Отец удивлённо взглянул на него, взгляд невольно перескочил на мать. Мать положила руку мне на плечо и спросила Ли Жуй: «В чём дело?»

Ли Жуй выпрямился: «Сын слышал, что отец с матерью намерены взять в жёны сыну четвёртую дочь Вэй Сюаньчжэня. Правда ли это?»

Я наконец услышала это собственными ушами. Сердце заныло, но на лице я изобразила изумление, уставившись на мать.

Она погладила меня по плечу, словно обращаясь ко мне, а может, и к Ли Жуй: «Клан Вэй из поколения в поколение знатен и славен. Вэй Хуань добродетельна, стойка, соблюдает ритуал, речь и облик её безупречны. В супруги тебе подходит».

Получив подтверждение, Ли Жуй тут же вспыхнул: «Но её отец — мелкий чиновник, братья — недостойные люди, ни на что не годные!»

Мать отвечала спокойно: «Её отец и братья — мелкие чиновники, в будущем им придётся полагаться на твоё покровительство. Родственники императрицы должны быть почётны, но не облечены реальной властью. Разве ты, читая исторические труды, этого не постиг?»

Ли Жуй сказал: «Пусть так, но её род слишком уж незнатен...»

Не дав договорить, мать прервала: «Род Ли — императорский, естественно, первый в Поднебесной. Какой бы ни был незнатен род, войдя в нашу семью, он обретёт императорское достоинство. Какой бы ни был знатен, разве может он превзойти наш род Ли? К тому же ты уже наследный принц, в будущем и вовсе верховный властитель. К чему тебе украшаться чужими родословными?»

Ли Жуй совсем распалился и, задрвав голову, тоже перебил мать: «Но она же незаконнорождённая! С древних времён разве бывала незаконнорождённая в паре наследному принцу?»

В чертоге на мгновение воцарилась тишина. Сердце моё подпрыгнуло к горлу. Я сжала кулак и, боясь, что родители заметят, поспешно опустила голову. Вэй Хуань, которой я так жаждала, в глазах Ли Жуй была всего-навсего незаконнорождённой.

Мать, видимо, решила, что я испугалась, обняла меня, легонько похлопала по спине и велела: «Сыцзы, ступай. Дугу Шао сегодня здесь, пусть проводит тебя погулять по парку».

Я стиснула зубы, выдавила улыбку, подняла лицо к матери и сказала: «Брачная церемония брата — дело государственной важности. Хоть я и девушка, не хочу оставаться в стороне. К тому же я хочу поскорее узнать, кто станет моей невесткой, чтобы в будущем она могла обо мне позаботиться».

Мать усмехнулась, но не стала настаивать, чтобы я ушла. Она лишь щипнула меня за щёку со словами: «Маленькая, а ума много». Позволила мне по-прежнему сидеть рядом, а, подняв взгляд на Ли Жуй, сказала уже без улыбки: «Кто сказал, что Вэй Хуань незаконнорождённая? Её мать — из клана Цуй из Цинхэ, в родословных книгах записано чётко».

Ли Жуй, видя непреклонность матери, перевёл взгляд на отца. Отец неловко промолвил:

«Матушка твоя права. Вэй Хуань действительно записана за кланом Цуй. Её мать — двоюродная сестра отца Цуй Идэ, из Цинхэ».

Ли Жуй остолбенел. Пополз вперёд на коленях, ухватился за ногу отца: «А-е...»

Отец нетерпеливо махнул рукой: «Ты сам её выпросил. Мы пошли тебе навстречу, сосватали её тебе. Чего ещё тебе? Ты теперь наследный принц, нельзя по-прежнему своевольничать и дурить. Учись у...» Он запнулся, слово «второй» уже готово было сорваться, но он резко проглотил его и упавшим голосом вздохнул: «Учись у матушки».

Мать ласково взглянула на отца: «Если Саньлан устал, ступай сначала отдохни. Лю Лан всегда понимал главное, дай ему подумать — сам осознает».

Отец кивнул, протянул руки. Мы с матерью поддержали его с двух сторон и проводили во внутренние покои. Вернувшись, увидели, что Ли Жуй всё ещё стоит на коленях, умоляюще зовёт: «А-нян...»

Мать помрачнела и отчитала его: «Священная особа нездорова, сейчас как раз время тебе, наследному принцу, наблюдать за государством и нести ответственность за дела. А ты целиком погряз в мыслях о наложницах и жёнах. Взгляни на себя — разве похож на наследного принца? На такое государыня может со спокойным сердцем передать тебе страну?!»

Ли Жуй всё ещё не сдавался, робко промолвил: «Но это же главная супруга сына, будущая императрица... А-нян, неужели вы действительно позволите незаконнорождённой стать матерью Поднебесной?»

Мать отпустила меня, медленно подошла к нему и, глядя сверху вниз, холодно изрекла: «Незаконнорождённая — так что? Когда государь вознамерился поставить меня, сановники ещё гнушались, что твой дед купцом был, положение низкое. А теперь? Ваш род Ли хоть и кичится знатностью, именуется родичами Лунсийских Ли, на деле же вы — военные с окраин, которых знатные роды Шаньдуна всегда презирали: лучше брак с семьёй, запрещённой к бракам с императорским домом, чем с женой военного с окраин. Но кто сейчас на престоле? А кто, при всём высоком имени, внутри пуст и нищ? Ты думаешь, откуда твои почести и богатства происходят? От пустого звучного рода?»

<http://bllate.org/book/16278/1466800>